

МАСТЕРА
УРАСОВ

RICHARD LAYMON

ONE RAINY
NIGHT

МАСТЕРА
ЧАСОВ

РИЧАРД ЛАЙМОН

ОДНОЙ
ДОЖДЛИВОЙ
НОЧЬЮ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ГРИГОРИЯ ШОКИНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
Л18

Richard Laymon
ONE RAINY NIGHT

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств Lennart Sane Agency AB
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Перевод с английского: *Григорий Шокин*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Валерия Петелина

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

© 1991 by Richard Laymon
All rights reserved.
© Григорий Шокин, перевод, 2022
© Валерий Петелин, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Посвящается Рен и Иде Маршалл.
Самым лучшим из всех, кого я знаю.
Да пребудет удача ирландцев
с вами вовек.*

*Бьют по мне капельки дождя
Выплакивать глаза не собираюсь, впрочем, я —
Плакать мне нельзя,
Дождь
не остановит мои глупые слезы...*

Би Джей Томас¹

---

¹ Песня Бёрта Бакарака и Хала Дэвида, написанная в 1969 г. Певец Би Джей Томас (B. J. Thomas, он же Billy Joe Thomas) был ее первым исполнителем. Написана она была для весьма популярного в свое время фильма «Butch Cassidy and Sundance Kid», выдержала множество кавер-версий. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

СМЕРТЬ НА ПОЛЕ

Чистое безумие, — подумал Хансон. Но не слез.

Рабица, ограждавшая футбольный стадион Средней школы Линкольна, тряслась, пока он карабкался вверх. Металлическая сетка похрустывала да позвякивала — каждый ее звук казался дьявольски громким в безмолвии ноябрьского вечера. Но, как полагал Хансон, услышать этот шум здесь было определенно некому. Ближайшие дома были вне поля зрения, за трибунами в дальней части стадиона. А за спиной — пустое поле, вытянулось вдаль аж до корпусов школы. Сам стадион тоже выглядел пустынно. Так что, как забор ни трясись, как ни звякай — услышать некому. И Хансон это понимал... но звуки все равно как-то подспудно заставляли нервничать. Как заставлял бы нервничать шепот палой листвы под ногами одинокого путника, идущего глубокой ночью через кладбище. Сердце колотилось в гру-

ди. Пот, казалось, тек сразу из всех пор. Руки и ноги сотрясала дрожь.

Залезть на забор было просто. Удержаться — куда сложнее. Добравшись до самого верха, он перевалился за край, пролетел два с лишним метра до земли, приземлился на полусогнутые колени — дабы хоть как-то уменьшить силу удара. Пояс с кобурой врезался в живот, недовольно скрипнула форменная куртка-кожанка, звякнула мелочь в карманах и наручники в чехле. Выпрямившись, Хансон подтянул штаны. Вытер потные руки о перед рубашки.

Что ж, добрался, — подумал он. Стоило ли добираться, впрочем — тот еще вопрос.

Он медленно пошел по траве, глядя на северные ворота — прямо впереди. Надо быть самым простым простачком, чтобы всерьез надеяться на то, что здесь нарисуеться что-то новенькое. Тут все тщательно прочесали прошлой ночью, а потом еще разок — днем. Сфотографировали, подобрали, поместили и вынесли все: и самого бедолагу, и его одежду, спички, окурки, жбан изпод бензина, обертки, прочий сор — словом, все, до чего добрались загребущие ручки, даже то, что, возможно, никакого отношения к преступлению и вовсе не имело. Сняли весь дерн вокруг перекладки, к которой парня привязали, — шутка ли! Хотели и саму воротную стойку унести, но шериф решил — оно того не стоит.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

Пришлось ограничиться горелой травушкой — само по себе хорошее доказательство.

Ловить тут было категорически нечего.

Но Хансон, раскатывавший на патрульной машине по окрестностям, вдруг осознал, что нет-нет да и свернет в сторону школы, нет-нет да и замедлит ход у стадиона — и начнет высматривать эти чертовы ворота. В конце концов он припарковался неподалеку и покинул служебный автомобиль — даже не отрапортовав перед этим по радио куда следует. Чистое безумие.

Вышагивая по гаревой дорожке, он корил себя. *Хоть Люси бы позвонил. Ведь ничего сложного — наврал бы, что свернул туда-то и туда-то перекурить чуть пораньше.* Хотя врать, конечно, нехорошо. Он ведь на ней жениться собирался. А любимых женщин уж точно водить за нос не стоит.

Даже лучше, что все сложилось вот так вот, — подумал он. — *В любом случае она меня прикроет, если что-то тут случится.*

Трава под ногами была сухая и пружинистая. Он шел через конечную зону. Ворота как-то забавно расплывались перед глазами. Встал Хансон аккурат у круга срезанного дерна. Посмотрел.

Снова захотелось задать самому себе вопрос — *какого черта это место его так манит?* Видеть жертв убийств ему уже приходилось. Впрочем, не

так уж их было и много. И из них только Дженнифер Сэйерс кончила по-настоящему плохо. Ее не сожгли, как этого паренька. Изнасиловали — и запытали до смерти. Вид ее обезображенного тела подарил Хансону не одну беспокойную ночь, но прогуляться в лесную чащу, где ее нашли, его как-то не тянуло. А тут — почему-то — совсем иной случай.

Вот-вот, — подумал он. — Почему-то.

Максвелл Чайди был из черных. Вот, наверное, причина. Лежит на поверхности.

Чем отличается ниггер от лука? Когда режешь лук — на глазах слезы.

Обычно Хансон смеялся над подобными остротками. Да чего уж таить, бывало, сам их выдавал.

Вот почему я здесь, — дошло до него. — Подспудное чувство вины.

Они сделали это с парнем, потому что он был черный. Белые люди. Раздобыли себе черномазика.

Черт, это всего лишь догадка, версия. Возможно, дело было совсем не в этом. Мы же не в Алабаме, в конце концов. Мотив мог быть банальнейшим. Зависть, жадность. Может, парень толкал травку, прослыл в школе буржуем, и...

Ну конечно же. Раз черный — так непременно толкач.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

Все по накатанной.

Прожекторы стадиона вспыхнули.

Хансон вздрогнул, сделал судорожный вдох.

Господи. Застукали.

Он обернулся. Оглядел трибуны по обе стороны поля. Никого.

Сохраняй спокойствие, — приказал он себе.

Надо полагать, просто завхоз дозором обходит. Может, и вовсе не знает, что я здесь. И все же...

Черт. Я полицейский. У меня здесь — свои дела.

По-прежнему никого не было видно.

Но кто-то же включил свет.

Дух Максвелла.

Ну да, ну да, КОНЕЧНО.

Но по коже побежали мурашки, едва он представил себе мертвого мальчика, что, пошатываясь, бредет через ворота стадиона к полю. Черная фигура, скрытая сумерками, шаркает при ходьбе. Изломанное тело, протянутые вперед руки, пальцы — скрючены. Лица нет. Один лишь обугленный ком над плечами — только с зубов копоть сошла, и они знай себе сверкают...

Ему казалось, что он почти слышит, как обгоревшие ноги Максвелла неспешно загребают землю, как хрустит его запекшаяся кожа, хрустит — и слетает черными хлопьями вниз, будто мертвая опаль.

Вот прихватчу-то я тебя сейчас, белый законник.

Так, хорош, велел самому себе Хансон, прекрасно зная: снятое с предохранителей изображение уже не так-то просто остановить. Он огляделся. Пересчитал глазами проходы под трибунами. По три — с каждой стороны. Темные дыры. Туннели, ведущие вглубь, к автоматам с прохладительными напитками и туалетам, и дальше — к воротам и забору.

Будет тебе. Пугаешь себя почему зря. Максвелл — в морге, а не...

Через поле, у ближайшей дорожки, появилась чья-то фигура.

Человек. Белый. В болотно-зеленом комбинезоне.

Завхоз?

Хансон вздохнул. Он чувствовал себя, как если бы все его силы вдруг иссякли. Стоять прямо — и то без дрожи не выходило.

Человек поднял руку в приветствии, затем поднялся на забор и спрыгнул вниз, на траву у конца бегового трека. Встав на обе ноги, он пошел к Хансону, хромая.

— Добрый вечер, офицер, — поприветствовал он.

Хансон кивнул.

Волосы человека поблескивали под огнями стадиона. У ушей они топорщились седой щет-

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

кой. Его худое лицо было обветрено, и выглядел он жилистым и крепким. Каждый его шаг сопровождало позвякивание ключей.

— Тоби Барнс, — представился он, протягивая навстречу руку.

Хансон пожал ее.

— Боб Хансон.

— Только-только притопал сюда, Боб. Увидел твою машину снаружи. Не возражаешь, коли спрошу, как сюда пробрался?

— Перелез через забор.

Тоби, казалось, повеселел.

— Здорово. Я-то боялся, какой-то идиот оставил ворота незапертыми. Прости, что меня поблизости не случилось, — я б нормально пустил.

— Да никаких проблем.

— Ну, я подумал, в любом случае свет тебе не помешает. Я глава техобслуживания, знаешь же? Слежу за командой уборщиков. Почти вся орава — шалтай-болтай ленивые, — Тоби отвел глаза от Хансона, уставился на стойку ворот и нахмурился. — Жуть-то какая, — тихо произнес он. — Есть идеи, чьих это рук было дело?

— Мы работаем над версиями. Мне просто вдруг захотелось побыть здесь, и... ощутить ситуацию, что ли. Подумать над всем.

— Ты, наверное, и прошлой ночью здесь был.

— Так точно.

— Невеселое то было зрелище, наверное. Уж я-то навидался за жизнь зажаренных... Пожарным был, в Бейкерсфилдском департаменте — пока с крыши однажды не навернулся, — он хлопнул по правой ноге. Хлопок вышел странный — как будто под брючиной скрывалось что-то, что человеческой кожей явно не являлось. — Не сильно-то и хочется на такие вещи смотреть. И не привыкнешь ни в жисть. Такая уж работа — подвяжешься, и вскоре все сам смекнешь.

Хансон, решивший не выказывать преждевременных симпатий, все же почувствовал некое мрачное восхищение.

— Они не смогли завлечь меня зарплатой, — ответил он. — Вот и не стал я огнеборцем.

Тоби, ухмыльнувшись, кивнул. Его глаза все еще были прикованы к воротам.

— Думаешь, это дети учинили?

— Не знаю. Но, похоже, да.

— У нас здесь, насколько знаю, нет всяких банд.

— Банд?

— Ну да, такие делишки обычно обстряпывают банды. Расправы с огоньком.

— Вы знали того парня? — спросил Хансон.

— Видал у школы, — Тоби обратился к нему, чуть поникнув. — У нас не так уж и много было цветных, сам знаешь. Этот Чайди, он был не такой, как остальные. Высокий парняга, вроде и

красавчик немного, говорил забавно. Думаю, с островов явился — Ямайка, Гаити, откуда-нибудь оттуда. Никогда от него не слышал этих «эй, беляш, братюня, мазафака». Говорил он так, будто был из толковых да родовитых, чуешь?

— Какие у него были отношения с другими учащимися?

— Ну, как я ведал, так он с другими черными не особо водился. Остальные — они кучковались всегда, и это, думаю, в них природой заложено, а он гулял сам по себе. Или с белыми. С девчонками, как правило. Ему, похоже, беленькие были больше любви.

В сердце Хансона родились подозрения.

— У него, выходит, была белая девушка?

— Ну что-то вроде. Я ее имя-то знать не знаю, но выяснить для тебя, Боб, смогу. В последние недельки они знай себе парочкой ходили. Надо думать, любили друг друга.

— Что ж, вот оно как, — пробормотал Хансон.

— Ну да, я теперь и сам смекаю — такие дела не всем могли по душе прийтись, с какой стороны ни глянь — с черной ли, с белой.

— Да, я об этом и...

Они оба подскочили и запрокинули головы — небо над ними, казалось, взорвалось. На мгновение Хансон решил, что прямо над стадионом произошло столкновение в воздухе. Но то, что

он увидел, было лишь жгучей, яркой вспышкой молнии, ветвистой, как гигантское дерево, прорезавшей сверху вниз темный мусс большой тучи. Грохот уже затихал, но в ушах до сих пор жили отголоски.

— Бог ты мой...

Хлынул дождь.

Как будто саван, сотканный из мутной воды, укутал стадион, обратив горящие софиты в тусклые желтые лампочки. Едва свет померк, дождь окатил Хансона. Большие горячие капли забарабанили по его плечам и лицу. От них кожу покалывало. Они, казалось, мгновенно впитывались... и согревали изнутри. Его вдруг охватило необъяснимое, диковатое волнение.

— Срань господня, — произнес Тоби.

Полицейский и завхоз глянули друг на друга — сквозь стены темной воды и облачка невесть откуда взявшегося пара, дрейфующие кругом. Горячие струи рассеивали мягкую ноябрьскую прохладу. Тоби выглядел так, будто кто-то опорожнил чернильницу ему на макушку. Только глаза и зубы остались белыми.

А зубы были так хорошо видны, потому что Тоби недобро скалился.

Хансон выхватил револьвер из кобуры, едва Тоби бросился на него, глухо рыча. Его руки метнулись к шее Хансона, пальцы впились в гортань. Уперев дуло табельного револьвера

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

тридцать восьмого калибра в живот Тоби, Хансон трижды быстро спустил курок. Выстрелы больно ударили по ушам. Тоби отшатнулся, сложившись пополам. Четвертая пуля ударила в его лысеющую макушку, замаранную черным. Школьный завхоз тяжело опустился на землю, да так и остался сидеть, протянув ноги.

Хансон, отступив на шаг, ударил ногой по тому, что осталось от головы врага. Он надеялся на то, что голова оторвется и полетит над полем, как хороший такой футбольный мяч, но, несмотря на усилие, все, что он смог сделать — опрокинуть тело навзничь.

Левая нога вдруг заскользила по мокрой траве, и, замахав руками и крикнув, Хансон плюхнулся на спину рядом с Тоби. Застигнутый падением врасплох, он некоторое время лежал неподвижно. Теплый дождь воспринимался кожей на ура. Как хороший душ... впрочем, даже лучше. Выпустив из рук револьвер, Хансон раскинул руки и ноги в стороны. Содронулся от удовольствия и застонал.

Повернув голову, он увидел тело Тоби рядом с собой.

Ничего себе, — пронеслась мыслишка. — Грохнул я этого выродка.

Он рассмеялся. Чувствуя, как дождевые капли шлепаются на зубы и стекают вниз, в глотку, он раскрыл рот пошире и вывалил язык.

Дождь на вкус мало походил на воду.

Распробовав его получше, Хансон решил, что чем-то дождевая вода напоминала кровь.

Не сильно. Совсем чуть-чуть.

Мягкий, пряный вкус. С очень тонкой медной ноткой. *Очень тонкой.*

Казалось, он мог пить этот благостный нектар небес вечно.

Хансон перевернулся, приподнялся и пополз на локтях и коленях. Ухватив Тоби за уши, он притянул голову завхоза к себе. Прижал рот к тому месту, куда вошла пуля, — и принялся жадно лакать.

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

1

Ранее в тот же вечер, в то время как полицейский Боб Хансон все еще курсировал по улицам вокруг Средней школы Линкольна, четыре пули все еще покоились в обойме, ну а Тоби Барнс был все еще жив, Франсина Уолтерс сидела на диване в гостиной, подвинув пульт от телевизора поближе, и выжидала местные шестичасовые новости.

Когда заиграла музыкальная заставка, она залила в себя остатки виски со дна бокала.

— Добрый вечер, — сказала телеведущая Кристина Доннер. — К новостям последнего часа: следователи продолжают искать подозреваемых в жестоком убийстве семнадцатилетнего Максвелла Чайди, учащегося Средней школы Линкольна. Тело было обнаружено прошлой но-

чью на недавно отреставрированном школьном стадионе...

— Помяни мое слово, — изрекла Франсина, — парень нарвался и получил по заслугам. Видит Бог, ни за что его бы не прижали.

— Херня чистой воды, — пробормотала Лиза. Франсина повернула голову к девушке.

— Что? Что ты сказала?

Лиза посмотрела на нее из недр кресла-качалки.

— Херня это чистой воды, вот что я сказала. Ты его не знала — так что не говори.

— Я прекрасно знаю, о чем говорю, юная леди, и не стоит вам общаться со мной в таком тоне. Что вообще с тобой такое? С самого утра — будто не с той ноги встала.

Недовольство потихоньку ушло из взгляда Лизы. Она открыла рот, будто намереваясь что-то сказать, но слова так и остались неизнесенными. Губы девушки сомкнулись снова. Их уголки дрожали. Бледный подбородок мелко ходил вверх-вниз. Ее глаза наполнились слезами.

— Лиза?..

— Просто оставь меня в покое.

Она откинулась в кресле. То резко качнулось назад, и колени девушки, подброшенные вверх, врезались в край обеденного стола. Не так чтобы сильно, но бокальчик, стоявший на краю,

подбросило вверх, и он сначала опрокинулся, выплеснув свое содержимое из кубиков льда и воды, а затем и вовсе скатился со стола, мягко ударившись о ковер.

— Глянь, что ты натворила! — всполошилась Франсина.

Шмыгнув носом, девушка подскочила и убежала из комнаты.

Да какой же комар ее укусил?

Осторожно поставив свой стакан, Франсина встала. Услышала, как хлопнула дверь и звякнул язычок замка. Близковато для спальни Лизы. Наверное, ванная — ближе к коридору.

Она прошла мимо кресла Лизы, аккуратно присела на корточки, подняла стакан и собрала в него кубики льда с бежевого ковра.

Слава богу, в нем была только вода, — подумалось ей. Лиза бросала лед в стакан, даже если пила молоко или содовую. Остается благодарить все счастливые звезды на небосводе, что что-нибудь из этого не оказалось сегодня на полу.

Франсина поставила стакан в раковину и отправилась на поиски Лизы.

Затянувшийся переходный возраст дочери начинал ей потихоньку досаждать, но сегодняшний эпизод не укладывался в картину типичных истерик Лизы, как правило, спровоцированных месячными. Нет, тут что-то по-

серьезнее. Может быть, связанное со смертью этого черного парня.

Надо было мне догадаться, — подумала она.

Как она и подозревала, дверь ванной была заперта.

— Дорогая?..

— Оставь меня в покое.

По высокому, надломленному голосу девушки было очевидно, что она все еще плакала.

— Ты в порядке?

— Нет!

— Этот стакан — пустяк, милая. Выйди, пожалуйста. Тебе ведь к Фоксвортам через час, а ты...

— Я не поеду.

— Они рассчитывают на тебя. Выходи, и пойдем обратно за стол.

Спустя несколько секунд замок щелкнул, и дверь распахнулась. Лицо Лизы было красным-красно, глаза налиты кровью, на щеках — блестящие дорожки слез. К носу прижата салфетка.

Видя дочь в таком виде, Франсина поняла, что сама вот-вот разрыдается.

— Что с тобой, милая? — спросила она.

— О, мама! — Лиза рванулась вперед, обняла Франсину и крепко-крепко к себе прижала. Рыдания сотрясали ее плечи. — Я любила его! — выпалила она. — Я так любила его, а они его убили!

Покончив с бутербродом, Дениз Гундерсон согнула бумажную тарелочку пополам и бросила в мусорную корзину. Достав из охладителя печенье в шоколадной глазури, она надкусила его, предусмотрительно подставив ладошку на случай крошек, и, жуя, пошла в зал.

— Ну, фто у нас стесь? — спросила она с набитым ртом.

Ей было прекрасно известно что — пакет с тремя видеокассетами, что она взяла в прокате этим утром. Просто, оставаясь дома одна, она любила говорить сама с собой — хоть как-то нарушалась тишина.

Усевшись на пол по-турецки, она забросила в рот остатки печенья, вытерла пальцы о колготки и вытряхнула кассеты из пакета. «Согляда-тай», «Почти стемнело» и «Техасская резня бензопилой». Покачав головой, тихонько хихикнула и пробормотала:

— Отличненько. Самое то для беззаботного семейного просмотра.

Тому — точно понравится. Может, он их уже и видел, но разве это его колышет? Подобное он может крутить без остановки, и каждый раз будет ловить тот же кайф — что от первого раза, что от всех последующих.

Интересно, хватит ли ей духу позвать его?

Часы на плеере-кассетнике показывали 6:11 вечера.

Если собираешься вызванивать его, — подумала Дениз, — то самое время. Пока он куда-нибудь не намылился.

Стараясь игнорировать взволнованное трепыхание сердца, она поднялась на ноги. Пройдя на кухню, уставилась на телефон, висящий на стене, чувствуя себя чертовски неуверенной. Капли пота стекали по лопаткам.

— О ужас, — пробормотала она.

Если предки узнают, что я его сюда притащила...

У них было одно строгое, непреклонное правило: никаких парней в доме, если их самих дома нет.

И пока что Дениз его не нарушала. Искушение не уходило, но страх быть пойманной, пусть даже за невинным просмотром ужастиков с парнем, всегда преобладал.

Сегодня, однако, шанс, что родители ее застукают, приближался к абсолютному нулю. Предки должны были заночевать у друзей в Тибуроне, а тот был в двух часах езды от Биксби. Они позвонили ей в 5:30, просто убедиться, что у нее все в порядке. И папа, который ненавидел поездки в ночное время, явно не собирался поспеть домой до рассвета. Он с мамой планировал уехать из Тибурона в середине дня.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

Тем не менее что-то *всегда* может пойти не так. Соседи могут увидеть, как Том приходит или уходит. Или его тачка сломается прямо на подъездной дорожке и проторчит там до тех самых пор, пока предки не вернутся. Может случиться землетрясение, и они окажутся с Томом зажатými на пару в доме.

— Это было бы даже романтично, — вслух сказала она с ухмылкой. — К черту все, позвоню ему.

Она вытерла липкие руки о колготки, глубоко вдохнула и потянулась к трубке. Но тут телефон зазвонил сам, и она вздрогнула всем телом, потеряв все дыхание.

Это Том, — подумала она. — *Так и знала — он чертов телепат.*

Она подняла трубку.

— Слушаю?

— Дениз?

Не он. Женский голос, смутно знакомый.

— Да, я.

— Это Лин Фоксворт. Ты же была у нас сиделкой пару месяцев назад?

— Да-да. — *О нет,* — подумала она, но в голос напустила веселости. — Вы — мать Кары.

— Мне очень стыдно, что я вот так тебя без предупреждения беспокою... я вообще себя весь вечер ужасно чувствую. Если у тебя уже есть

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

планы на сегодня — все нормально, я подыщу кого-нибудь еще. Мы в ужасном цейтноте. На семь назначен ужин, а мне только что звонила Франсина Уолтерс — мама Лизы, да, я просила Лизу посидеть с Карой, но Франсина чем-то сильно расстроена, кажется узнала, что Лиза горюет из-за этого убитого мальчика, они ведь дружили, ты знаешь? Ну и, в общем, Лиза вроде как знает, кто это сделал, и Франсина хочет свезти ее в полицию — жуть какая, представляешь? — ну и вот, Лиза не сможет посидеть с Карой, и это, наверное, к лучшему, вдруг эти убийцы захотят и с ней разделаться — жуть, как есть тебе говорю! Но что хуже, мы ведь теперь без сиделки остались, такой цейтнот, такой цейтнот, и вдруг у тебя уже есть планы?! Кара так тебя любит, я знаю, и я подумала, вдруг ты сможешь посидеть с ней еще разок — что думаешь?

Дениз зажмурилась. Слегка качнула головой влево-вправо. Особая манера миссис Фоксворт тараторить без умолку, перескакивая с темы на тему, всегда несколько выбивала ее из колеи. *Надо было не брать трубку*, — подумалось ей.

— У меня тут вроде как встреча намечалась, — сказала она.

— Ну так бери его с собой и иди сюда! — выдала миссис Фоксворт. — Боже, что я несу! О, ни за что бы не предложила такой выход Лизе, но —

я ведь знаю, какая ты надежная, ответственная, умная девочка! Развлечений тут у нас, конечно, не особо сыщется — еда разве что да газировка, но, в конце концов, поиграете с Карой, почитаете ей что-нибудь...

Да, — подумала Дениз, — отчаянная у этой женщины ситуация, раз она на такое готова. Или я взаправду страдаю избытком надежности и благоразумности.

— Мы вернемся не очень поздно. В десять или в одиннадцать.

— Ну, хорошо, не знаю, как мой друг, но я буду точно. Во сколько мне подойти?

— Нам нужно выйти не позднее без десяти семь, так что — в любое время до этого.

Дениз взглянула на кухонные часы. 6:14.

— Если ты еще не кушала...

— Да только что закончила.

— ...я накрою тебе, вот что хочу сказать, и...

О, Дениз, ты меня просто выручишь. За мной должок. Спасибо большое.

— Рада помочь. Скоро буду.

— Хочешь, Джон за тобой заскочит?

— Нет, в этом нет необходимости. Но спасибо.

— О, не благодари меня! Ты меня спасла, на самом деле.

— Ладно, я пойду собираться.

— О, хорошо, хорошо. Отлично! Буду ждать тебя.

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

— До свидания, миссис Фоксворт.

Дениз повесила трубку. Подумала о взятых кассетах. О Томе.

Сразу сделалось грустно.

— Это еще не конец света, — пробормотала она.

Может быть, нет худа без добра, — думала она, идя в свою комнату, чтобы переодеться. — *Не буду нарушать правила предков. Нет искушения — нет беды.*

Может быть, я ХОЧУ беду на свою голову.

Эх, да только вот опять с носом останусь.

Дениз еще не знала, что в этот вечер беды не миновать ну никак.

3

Паттерсон, убиравший стол, наклонился вперед и ухмыльнулся, когда Тревор Хадсон вошел внутрь полицейского участка.

— Когда ты начнешь жить своей собственной жизнью, Хадсон?

— Я просто не мог оставить тебя одного, — сказал Трев. — Уж я-то знаю, как сильно ты меня хочешь.

— Ай, чмокни меня в жопу, дружище.

— Все ради тебя, сладкий.

Трев пролез за перегородку, приветственно улыбнулся Люси и был уже в двух шагах от стола, когда Паттерсон отворотился, насупившись.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

— Эй, это только фигура речи!

— Да? Ладно-ладно. — Он придвинул вращающееся кресло на колесиках и сел.

— А так-то — вечер субботы, парень, *субботы*, сечешь? Тебе сейчас не со мной зависать нужно, а с какой-нибудь бабой.

— Я бы предпочел зависнуть с тобой, — сказал он, подмигивая дородному сержанту.

Люси за диспетчерским постом, расположившись в углу, посмотрела на него и улыбнулась.

— Следи за языком, Трев, а то Пат — мужик чувственный, возьмет да и перескочит к тебе на коленочки.

— Я был бы не против *тебя* на моих коленочках, — отметил Паттерсон.

— Даже не мечтай, — сказала она и отвернулась — на пост поступил вызов.

Трев выдвинул верхний ящик своего стола. Он вынул карточку, предоставлявшую долларовую скидку на большую пиццу у О'Кейси, и пристроил ее в свой бумажник.

Ну и дела, — подумал он, запихивая бумажник обратно в задний карман брюк. — *Зашел на работу забрать скидочник. Абсурд.*

Ничего абсурдного, — поспешил он заверить себя в обратном. — *Все равно же — по пути к О'Кейси. А денег лишних не бывает.*

Но на душе у него скребли кошки — он прекрасно знал, что реальная причина заехать за

скидочным талоном связана не с бережливостью, а с оттяжкой времени. Тактическая проволочка.

Морин ведь может там даже не оказаться. На прошлой неделе Трев заставлял ее всякий раз, когда туда приходил, но сейчас суббота, и не должна же она, в конце концов, работать *каждую* ночь.

С другой стороны, «перекусочные» часы субботнего вечера для О'Кейси должны быть самым горячим времечком. И потом, она в семейном бизнесе. Похоронив Мэри в городе три недели назад, она вернулась, вновь открыла пиццерию и стала ждать клиентов. По словам ее брата, она осталась у Лиама на неопределенный срок, с намерениями заботиться об отце и помогать ему с ведением дел.

Так что вряд ли ее там не окажется.

Что ж, если она там, то Тревор наконец-то сделает решительный шаг. Он придет туда не просто рассыпаться в комплиментах и глазеть на нее, пока она будет хлопотать у столиков. Он планировал пригласить ее на свидание. Хоть и не был уверен, что ему хватит наглости.

Я ей нравлюсь, — подумал он. — *Уж я-то знаю.*

Дело было даже не в этом ее насмешливо-дружелюбном тоне — так она говорила со всеми посетителями. На других она так не смотрела, как на Трева. Когда их взгляды встречались, она, ка-

залось, всматривалась в самую его душу, будто пытаясь найти что-то на дне его глаз, интересуясь чем-то... и было в этом что-то от молчаливого вызова.

Она хочет, чтобы я ее пригласил. И не понимает, почему я этого до сих пор не сделал. Ищет причину.

Я должен это сделать, — подумал Трев. — Сегодня. Сейчас.

Но он остался сидеть за своим столом и тащить поперек пустынных рабочих мест на дверь, ведущую в комнату для допросов.

Давай, — приказывал он себе. — Встань — и иди. Сделай это.

— Все ворон ловишь? — спросил Паттерсон.

Трев посмотрел на него.

— Просто задумался, — ответил он. — Попробуй и ты как-нибудь половить. Авось понравится.

— Поавоськой мне тут, — хмыкнул Паттерсон и явно хотел добавить что-то еще, но тут кто-то, похоже, вошел в участок, и сержанту пришлось отвернуться.

Трев посмотрел на часы на стене. Шесть двадцать пять.

К О'Кейси надо заявиться в восемь, в середине смены. Если он появится столь рано, Морин он может на дежурстве еще не застать. Придется ждать два лишних часа...

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

Не будь такой трусливой цыпой!

Отъехав на кресле от стола, он начал подниматься, но тут слышал за спиной шаги. Обернулся. Паттерсон шагнул к нему с серьезной миной.

— Раз уж ты все равно здесь, — тихо сказал он, — разберись-ка с этим.

Тревога увидел двух женщин — взрослую и девочку-подростка — по ту сторону приемной.

— Видишь, я как раз собирался...

— Речь идет об убийстве Чайди. Ты знаешь больше, чем я.

— Ну, я был на месте преступления вчера вечером, только и...

— Девушка знала Чайди лично. Они, похоже, встречались.

— Ладно, — вздохнул Тревор. — Ладно. Я поговорю с ними.

Чего расстраиваешься? — попробовал он приободрить себя. — Сам же искал повод задержаться, а кто ищет — тот находит. Все равно Морин там еще нет. А эта парочка вряд ли много времени отнимет.

— Ты не пожалеешь, — сказал Паттерсон, закатывая глаза и выпячивая губы. — Смотри, какие хорошенькие бабенки. Может, хоть с кем-то повезет, — нацепив на лицо выражение интригана, он отвернулся, направился к женщинам и сказал: — Офицер Хадсон примет вас! Заходите,

коли хотите. — Он кивнул в сторону прохода в дальнем конце приемной стойки.

Трево встретил их там. Смерил обеих быстрым взглядом, заключил, что увиденное его не сильно-то и воодушевляет, и одарил их улыбкой, которая, как он надеялся, хотя бы казалась благожелательной и успокаивающей.

— Спасибо, что пришли. Я — Тревор Хадсон.

Старшая — надо полагать, мать девушки, — сузила глаза, будто ожидала, что Трево обратит на нее чуть больше внимания. И, может статься, втайне на это надеялась.

— Франсина Уолтерс, — представилась она. Голос был побитый жизнью, как и весь ее видок в целом. Ей было, наверное, немногим за сорок, но Трево видал такой тип женщин и раньше — в свои сорок они выглядели на все пятьдесят. Ее волосы были обесцвечены до лапшисто-блондинистого цвета — правда, истинный цвет выдавали корни. Слишком много макияжа на глазах. Слишком яркая помада. Лицо худое, вытянутое, и морщины пролегли не в тех местах, где обычно. Лицо женщины, которая улыбалась мало, а вот хмурилась или недовольно поджимала губы чаще, чем стоило. — Это Лиза, — указала она на девушку.

— Привет, Лиззи.

Девушка не посмотрела на него. Голова опущена, плечи поникшие. Такая же выцветше-

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

блондинистая, как и мать, но хоть корней не видно.

— Пройдемте, — пригласил их Тревор. — Расскажите обо всем по порядку.

Он провел их к комнате для допросов.

— Учтите: мы не хотим сразу всплыть в новостях, — отчеканила Франсина у него за спиной. — Не хотим, чтобы нам перемывал кости весь город.

Он открыл дверь и отступил на шаг, пропускающая их.

— Это понятно? — уточнила Франсина.

— Все пока что останется между нами тремя, — устало кивнул Трев.

Девушка смерила его настороженным взглядом, прежде чем войти. Она явно недавно плакала, лицо выглядело свежеумытым. Трев подумал, что она была бы симпатичнее, если бы попробовала улыбнуться. Она была ниже матери, но унаследовала те же стройные бедра и грудь, слишком большую для общей ее худощавости. Наверное, подружки завидовали, а парни млели.

Она была одета в свитер с длинными рукавами, бывший ей, несомненно, впору года два-три назад. Хотя, может, она намеренно купила именно такой, на размер-другой меньше. Да и джинсы явно задуманы именно такими — выцветшими, потрепанными, в дырках. Модные прорехи,

модный износ. А выглядит — смешно: будто на нее лилипут с ножом кидался.

Приторный запах духов коснулся ноздрей Трева, когда девушка шагнула через порог.

Более экзотичный ароматический шлейф стелился за Франсиной. Не просто сладко-милосердный, а с нотками зрелого виски и застарелого сигаретного дыма.

Трев вошел за ними в комнату.

— Садитесь, пожалуйста. Сделать вам кофе? У нас есть автомат, Лиза. Хочешь «пепси» или?..

— Можем мы просто начать? — спросила Франсин.

Кивнув, он закрыл за собой дверь. Сквозь стекло ему был виден Паттерсон. Сержант, уставившись на него, совершал какие-то неадекватные движения: пританцовывал, вилял бедрами, боксировал воздух и раздувал щеки.

Ну конечно, этот кретин думает, что делает мне одолжение, заперев с парочкой серых мышек. Держи карман шире, Пат. Я-то мог бы сейчас сидеть у О'Кейси. Говорить с Морин. Смотреть ей в глаза.

Он повернулся к женщинам. Те сидели лицом к столу, спиной к нему. Шагнул в поле их зрения, он взял блокнот из стопки на углу стола, выдвинул стул, сел — желая придать общению неформальный характер. Столешница не должна была мешаться, и он сказал себе, что жест не имеет

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

ничего общего с желанием лучше видеть ужимки Паттерсона.

Забросив одну ногу на другую, Тревор пристроил блокнот на согнутой коленке и обратился к Лизе:

— Как понимаю, вы знали Максвелла Чайди.

— Да, — сказала она.

Посмотрев сначала на него, потом в другую сторону — на мать, почти целиком скрытую из вида Трева, примостившуюся у дальнего угла стола, — она вдруг сделала то, чего он всяко не ожидал: отъехала на стуле от столешницы так далеко, что спинка уткнулась в подоконник. Теперь она не разделяла Трева с Франсиной.

Потом обе женщины повернули свои стулья к нему.

— Они встречались, — заявила Франсина. — Я об этом ничего не знала. Думала, она все еще ходит с Бадди Гилбертом.

Трев извлек шариковую ручку из кармана рубашки и записал имя.

— Как долго вы встречались с Максвеллом? — спросил он девушку.

— Пару недель, — не глядя на него ответила та.

Ее взгляд был прикован к обтянутым джинсовой тканью коленям. Ее пальцы перебирали бахромчатые края одного из разрезов. То был, к слову, не самый верхний — парочка имелась и сильно повыше колена.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

— Она держала меня в полнейшем неведении, — сказала Франсина, вынимая из сумочки пачку сигарет. — Знала бы я — быстро бы положила этому всему конец. Уж поверьте — прежде чем прикурить, она оторвала фильтр и бросила на стол. — Не то чтобы я ханжа какая-нибудь, нет...

— Кто угодно, только не ты, — пробормотала Лиза.

— Верно. Не я, — метнув недовольный взгляд на дочь, она пихнула сигарету в угол рта и высекла из зажигалки «Бик» маленький огонек. — Но, юная леди, я пожила побольше, чем вы, и, уж поверьте, *знаю*, что вы допускали большую ошибку. — Сигарета ходила вверх и вниз, пока она говорила. Лиза продолжала теревить края прорехи на джинсах. — Уж что я знаю наверняка, так то, что если белая девушка, вроде вас, увивается за черным парнем, рано или поздно будут неприятности. И я оказалась права, не так ли? Ну разве не так?

— Так, наверное, — пробормотала Лиза.

— «Наверное». Мальчишку убили, неужто не понимаешь?

Лиза поникла пуще прежнего.

— Думаешь, был бы он мертв сейчас, если бы не водился с тобой?

— Лиза, — вклинился Трев, — ты знаешь, кто его убил?

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

— Не совсем.

— Расскажи ему то же, что и мне, — приказала ей мать.

Она взглянула на Тревора, нахмурилась, вцепилась пальцами в край прорехи на джинсах.

— Я думаю, это Бадди и его друзья... это они сделали.

— Бадди Гилберт, — уточнил Трев.

— Да. Видите ли, ему не понравилось, что я его бросила. Прошлой ночью после соревнований была дискотека. В тренажерном зале. Бадди появился со своими друзьями. Они были все пьяны, понимаете? Бадди попробовал влезть между нами и танцевать со мной, ну я ему и сказала отвязаться. Как он взвился! Прямо реально противным стал. Пошел обзывать Максвелла по-всякому. Понимаете? — Она подняла глаза на Трева, будто любопытствуя, какой будет его реакция. — Черножопый, негрила, папуас, Пятница, афромазик. Всё в таком духе. А еще его взбеленило, что у черных парней обычно причиндалы побольше будут...

— Боже, Лиза! — воскликнула ее мать.

— Ну, я говорю, как было. Будто бы из-за этого я его на Максвелла сменяла.

— Об этом обязательно говорить *здесь*!?

— Все в порядке, — сказал Тревор девушке. — Что произошло потом?

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

— Ну, Максвелл просто стоял и молчал, подошел мистер Шерман — он завуч — и разогнал всю Баддину компашку.

— Ты знаешь имена друзей Бадди?

— Конечно. Дуг Хайнс и Лу Николсон.

4

Лу здесь не хотелось быть. Лучше уж — у себя дома, в кровати, с подушечкой в обнимку. Но когда Бадди говорит — идем, нужно идти, тут уж ничего не попишешь.

Не так-то уж, черт возьми, и плохо быть не дома. Здесь он хоть не один. Здесь — хоть какое-то веселье, дружбаны, выпивка. А что до прошлой ночи — так или иначе, все это забудется. Сотрется из жизни и из памяти, рано или поздно.

И вот уже сейчас, будто во исполнение его желаний, *начало* забываться — потому что Шейла, его девка, не упустила момент и уселась на колени не к нему, а к Бадди. Покачалась игриво вверх-вниз, ухватила за ухо пальчиками.

— Как собираешься веселиться, когда с тобой ни одной девчонки нет?

— Кто сказал, что нет? — Бадди хлопнул ее пониже спины.

Они просто дурачатся, — сказал себе Лу. Но внутри росло недовольство.

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

Шейла улыбнулась ему через плечо и сказала:

— По-моему, мой дружок завидует.

Лу пожал плечами.

— Это кто, это я-то?

Дура. Ему захотелось взять ее за шкурку и сдернуть с коленей Бадди.

А та уже обратно к тому повернулась, запустила пальцы в волосы.

— Лу, похоже, не возражает, — говорит и лыбится.

— А ты, наверное, никогда не возражаешь.

Бадди запустил руку ей под фуфайку, оттянул застежку лифчика далеко вниз и отпустил. Лу услышал шлепок, Шейла вздрогнула:

— Ай!

Дуг и Синди рассмеялись с другой стороны дивана, и Лу почувствовал прилив облегчения. Шейла скатилась с колен Бадди, умудрившись при этом не расплескать свой ром с колой.

— Вот же ж скотина, — сообщила она. — Я-то тебя развеселить хотела.

Бадди недобро улыбнулся. Она попятилась.

— А я и так веселый. — Он посмотрел на Лу и поднял брови. — А ты, Луи, чего не весел?

Лу не смог сдержать улыбки.

— Отвали, у меня все зашибись.

— Ну и придурки вы все, — сказала Шейла. Хихикая, она повертела отставленным средним

пальцем у виска, потом подошла к Лу и села перед ним на пол. Он наклонился и погладил ее по спине. — Найдите уже Бадди кого-нибудь, а то он бесится.

— Есть у меня уже девчонка, — произнес тот.

— Кто? Лиза?

— Угу. Верно.

Дуг, сидевший на дальнем конце дивана — одним боком к Синди, другим к бутылке с мартинами, — подался вперед, чтобы зыркнуть на Бадди.

— Думаешь, она сейчас целиком твоя?

— Да. Теперь, когда Ссыквелл отправился в самое большое гетто на небесах...

Синди прыснула.

— Это ужасно, — сказала она сквозь смех и помотала головой.

— Больной убудок, — ввернула Шейла, улыбаясь от уха до уха.

Лу задался вопросом, как бы эти две фифы среагировали, если бы узнали, кто препроводил Максвелла в пресловутое небесное гетто.

— Эй вы, — лениво протянул Дуг, — постыдились бы, тут вам не шутка.

— В любом случае Лиза сегодня с кем-то нянчится, — сказала Синди. — Так что она даже если захочет — не притащится.

Она не захочет, — подумал Лу. — Боже, да она знает, что это наших с Бадди рук дело, подзревает нас — как минимум.

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

— Забудь о ней, — посоветовала Шейла. — Я-то все понимаю, знаю, в какой она тебе кайф, но, черт побери, она послала тебя на все четыре стороны...

— За-ради негрика, — добавил Дуг.

— Знаю. Но с ней я еще не закончил.

Ой-ой-ой, — подумал Лу. Все смолкли. Повисла тяжелая пауза.

Бадди поставил пустой бокал на стол.

— Не знаю, как вы все, а я вот с голода поды-хаю.

— О, так у тебя жратва есть? Какая? — сразу приободрился Дуг.

— Вы что, засранцы, думаете, я *готовить* вам буду? — ответил Бадди убийственным тоном. — Ну-ка быстро кто-нибудь стрельнул в «Мак».

— Я с Шейлой могу пройтись, — вызвался Лу.

— Так классно сидеть. Не хочу никуда идти, — захныкала Шейла.

Она прислонилась к обитому тканью передку стула Лу, подняла руку и пристроила ее меж его ног. Локоток забросила на его коленку. Он почувствовал, как ее грудь вдавилась в его ногу.

— Да, кстати, — сказала Синди. — Почему бы просто не заказать что-нибудь?

— Китайская кухня? — ухмыльнулся Дуг.

— Фу, — скривилась Синди.

— Как насчет пиццы? — спросил Бадди.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

— Вот, другое дело! — оживилась Шейла.

— Удваиваю, — улыбнулась Синди.

— Пойдет, — кивнул Лу, которому и впрямь расхотелось подрываться и нестись к «Макдоналдсу» — тем более сейчас, когда сиськи Шейлы возили по ноге.

Он слегка подвигал голень вверх-вниз. Она не возражала.

Все-таки хорошо, что я дома не завис, — подумал он, поглаживая ее шею.

Все его мысли сосредоточились на Шейле, пока другие обсуждали, какую пиццу заказать, чем ее заправить, и вообще, хватит ли всем одной. Когда Бадди потопал к телефону оформлять заказ, он отметил его уход самым безразличным краешком сознания.

Шея Шейлы была на ощупь как теплый бархат.

Жаль, что ее сиськи с его ногой разделяет так много одежды.

И даже сквозь всю эту лишнюю ткань — ощущения классные.

А если еще учитывать то, что она явно не возражает...

Интересненько у нас с ней может сложиться, — подумал он.

Бадди вернулся на свое место на диване.

— Готово, — известил он. — За полчаса обещают доставить.

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

Дуг посмотрел на наручные часы.

— Это, выходит, в десять минут восьмого? Не знаю, протяну ли я еще так долго без жратвы.

— Давай еще выпьем, — предложил Бадди.

5

Дениз припарковалась на пустующем участке тротуара перед домом Фоксвортов. Выключила фары. Бросив ключи в сумочку, она подняла левую руку над головой, пытаясь поймать блик тусклого уличного света, льющегося сквозь лобовое стекло.

Без двадцати семь.

Хорошо управилась, — подумала она. — Уже меньше времени уходит на переодевание и причесывание перед выходом в люди. Растем.

Если Лин и Джон не затянут выход — без проблем доберутся до ресторана к означенным семи часам вечера.

Она вылезла из машины, заперла за собой дверцу и поспешила к дому — с мыслями о том, что куртку надеть все-таки стоило.

Тут ведь не так уж и холодно, — попробовала она убедить себя.

Сжав зубы, Дениз попыталась унять дрожь, но ночной воздух, казалось, проскальзывал прямо под свисающие полы ее замшевой рубашки и проводил холодными щупальцами вверх и вниз

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

чч

по ее коже. И, если уж она не набросила куртку и не стала заправлять полы — кому вообще придет в голову заправить замшевую рубашку, — стоило хотя бы поддеть под нее футболку. *Поздно спохватываешься*, — подумала она.

Потоптавшись на крыльце, она позвонила в дверь и стала ждать, прижав руки к животу и стараясь спасти хоть какую-то часть тепла.

И чего они там возьмется? Вроде же торопились.

Сжав ноги вместе, Дениз потеряла их друг о дружку. Ее вельветовые брюки мягко зашуршали.

Наконец Лин открыла дверь.

— О, входи, входи! Как же ты меня выручила! Слов нет.

Дениз вошла в фойе, умудрившись не выдать вздох облегчения, когда воздух внутри окутал ее своим теплом.

— Мы уже почти готовы выходить, — сказала Лин. — Давай только скоренько пробежимся по главному. Эй, Кара! — позвала она. — Смотри, кто пришел!

Девятилетняя девчужка, сидевшая на полу в позе лотоса и увлеченно щелкающая кнопками джойстика, оглянулась и беззвучно произнесла:

— Привет!

Ее задорная ухмылка будто говорила: *не стоит мешать маминому веселью.*

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

— Мы будем в «Эджвуде», я тебе говорила? — продолжила Лин, таща Дениз на кухню. — Вернемся не слишком поздно, можешь разрешить Каре посидеть подольше... или не разрешай... в общем, все равно. Можешь приглашать друзей — холодильник полон, буфет — тоже, Кара тебе все покажет, — остановившись в дверном проеме кухни, Лин обернулась и ткнула пальцем в стенку. — Вон там — телефон! Понадобимся — звони в ресторан, не стесняйся. Вот тут вот — номер, — она постучала длинным ухоженным ногтем по блокноту возле телефона. — Ну, и все остальные тоже там... полиция, пожарные... думаю, они тебе не понадобятся, — она повернулась к Дениз с улыбкой. — Слушай, я ничего не забыла? У меня такое чувство... будто все время что-то упускаю из виду.

Вы успокаиваться забываете, миссис Фоксорт, — подумала Дениз, а вслух сказала:

— Что-то мне тоже ничего в голову не идет. По-моему, всё.

— Вот и славно! Вот и славно. Как же я рада, что ты здесь. Сегодня все довольно серьезно, и... как думаешь, я выгляжу нормально?

— Потрясно, — заверила ее Дениз.

Понизив голос, Лин сказала:

— Между нами, девочками, Джон думает, что это платье... — она скорчила гримаску и подняла глаза к потолку: — Слишком вызывающее, вот.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

Она покружилась на месте.

Верх глянцево-синего, поистине королевского платья был срезан под большим углом, оставляя только одно плечо и один рукав. Наклон захватывал правую грудь крайне условно, оставляя бóльшую ее часть превосходно видимой со стороны, и далее плавно уходил через бок на спину. От левой ягодицы начинался симметричный, столь же рискованный срез, сбегавший вниз и кончавшийся почти у щиколотки правой ноги. Туфли на высоких каблуках были такого же синего цвета. На Лин не было чулок, но это лишь подчеркивало хороший загар ее ног. По тому, как платье плотно облепило ее тело, Дениз решила, что вряд ли под ним на миссис Фоксворт надето что-то еще.

— Надеюсь, в ресторане будет тепло, — заметила она.

Лин поморщилась.

— О боже. Я слишком неприлично выгляжу?

— Вы выглядите прекрасно, поверьте.

Она, опустив голову, окинула себя взглядом.

— Ох. Ужас. У меня ведь есть прекрасная шаль. Есть горжетка из норки, специально для таких случаев — но Джону не хочется, чтоб я ее надевала.

— Он против меха?

— Он против *показушности*. И вообще, считает, что если на мне норковая горжетка, кто-

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

нибудь непременно захочет стукнуть меня по голове и убежать с ней. Мало добра от всех этих хороших вещей... — миссис Фоксворт вцепилась Дениз в предплечье и посмотрела ей в глаза. — Я все-таки возьму с собой шаль. Надо было раньше догадаться. Она — простенькая. Как там, снаружи, — прохладно?

— Довольно-таки. Я бы посоветовала вам надеть пальто.

— О! Спасибо, что предупредила. Какое же ты чудо. Выручаешь и выручаешь, — Лин улыбнулась. — Но я и сама — не такая уж глупая блондинка, правда-правда.

Отпустив Дениз, миссис Фоксворт вылетела из кухни.

Дениз проводила ее глазами, чуть улыбаясь.

Еще бы мистер Фоксворт не сомневался в выборе платья. Господи, ну и штучка. Если бы Том увидел меня в чем-то подобном, он бы на стену полез с высунутым языком. Хотя у него не будет даже шанса. Потому что раньше него полезут на стену мама с папой, и уж точно не от одобрения.

Она пошла в гостиную и уселась на пол рядом с Карой. Девочка положила джойстик на колени и нажала кнопку. На экране телевизора Марио и Боузер мгновенно застыли: первый в прыжке, второй — с огненным облаком у пасти, готовым вырваться наружу.

— Эй, все в порядке, играй дальше, — подбодрила ее Дениз.

— Я просто на паузу поставила.

— Здорово, что мы снова вместе, — она нежно потрепала плечо девочки. — Давно ведь не виделись, правда?

— С первого мая! С тех самых пор ты со мной не сидела.

Такова была Кара: всегда запоминала точные даты. Дениз улыбнулась ей.

— Зато я была на твоём дне рождения.

— Угу. Хочешь, посмотрим запись? Вышло очень здорово! Хоть сейчас! Я только вот убьюсь...

— Эм, прости, что?

— Убьюсь же! Ну, потрачу все жизни Марио. У меня все равно только две осталось. Так что ему уже все равно крышка. Ужасно трудно сосредоточиться, когда мама бегает туда-сюда и сходит с ума. Она *всегда* немного сходит с ума, когда предстоит куда-то выйти. — Кара наклонилась поближе и прошептала: — Папа не хочет выходить, кстати. Ну, он, конечно, *всегда* никуда не хочет идти, но в этот вечер все особо серьезно. Я бы сказала тебе больше, если б сама знала! Иногда они от меня много чего пытаются утаить... это очень-очень раздражает. Знаешь, я очень рада, что здесь ты, а не Лиза. В смысле, Лиза — нормальная, но какая-то немного

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

странная и постоянно висит на телефоне со своими подружками. Постоянно. С ней даже не поговоришь. И мне кажется, мебели под ее крышей, — Кара похлопала себя по макушке, — не прибавилось.

Дениз засмеялась и покачала головой.

— А ты все такая же заумь.

— Разве это плохо? — невозмутимым голосом — но с озорной хитринкой в глазах — осведомилась девочка и изогнула светлую бровку.

— Это здорово.

— Мы идем! — оповестила Лин.

Дениз оглянулась. Миссис Фоксворт набросила на плечи светлое пальто. Из-под отворотов выглядывали края белой шали с бахромой. В руке она держала синюю миниатюрную сумочку.

— Как дела, Дениз? — спросил Джон, вошедший следом за женой в комнату.

— Прекрасно, спасибо.

— Рад видеть тебя снова. Я думал, ты ушла из сиделок.

— Она делает это только ради нас, Джон, — сказала Лин.

Он покачал головой, улыбаясь. Мистер Фоксворт был большой, грузный человек, неизменно дружелюбный и тихий. Дениз он всегда нравился из-за некой спокойной ауры, что сопровождала его на каждом шагу и уравновешивала напо-

ристость и нервозность его супруги. Сейчас на нем красовались синий пиджак и серые брюки. Галстук был повязан немного криво — и провис, когда Джон, нахмурившись, склонился к Дениз и осмотрел ее руки.

— Какую из них Лин выкручивала, говоришь?..

— Вот эту, — улыбнувшись, она подняла правую и вяло поболтала в воздухе.

— Не забудь показаться врачу и в следующий раз следи за ней.

— Идем, Джон! — Лин прошла мимо Дениз, присела и поцеловала Кару. — Веди себя хорошо, — сказала она.

— Обещаю, мам!

Джон поцеловал дочку.

— И не устраивай Дениз пытку зубочистками. Кара усмехнулась и закатила глаза.

— О, папа, ну что ты такое говоришь.

— Не скучайте, девочки, — сказал Джон на прощание и пошел за Лин к двери. — Мы — ненадолго.

Когда они уже топтались в холле, Кара помахала им ручкой.

— Можете повесить цепочку на дверь, если хотите, — напоследок сказал Джон, затворяя за собой и Лин дверь.

— Они ушли! ВЕЧЕРИНКА! — завопила Кара, и до ушей Дениз донесся хохот мистера Фоксвор-

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

та. Потом в замке провернулся ключ. — Я пойду и добыю Марио, чтоб можно было записаться посмотреть. Или ты тоже хочешь поиграть в сантехников?

— Может быть, позже. Пока разберусь с цепочкой.

— Ой, да я сама. — Кара, опередив без труда Дениз, побежала к двери.

6

— Рада видеть, что у тебя настроение поднялось, — сказала Лин Джону, когда он выводил машину задним ходом с подъездной дорожки.

— Ты же знаешь меня, — крутанув руль, он вывернул на улицу и повел автомобиль вперед. — Когда есть перспектива вкусно поесть...

— Хочешь сказать, что дома тебя вкусно не кормят, подлец? — улыбнулась Лин.

— Да нет же. *Конечно же*, мы могли бы остаться дома. И поесть без этой мишуры.

— Ладно, ладно, не продолжай, — она окинула мужа теплым взглядом. — Думаешь, я не понимаю? Иногда хочется выйти в свет.

— Думаю, Кара с Дениз не заскучает.

— Думаю, я с тобой — тоже.

— Посмотрим.

— Такая прекрасная возможность, Джон. Диву даюсь, почему ты еще не прыгаешь и не

пляшешь. Знаю одно — если бы мне предложили стать героем большой статьи в популярном журнале, я бы не упустила шанс. Ты себе хоть представляешь?.. Тебя на обложку могут вынести!

— Звучит волнующе.

Никакого его фото в «Пипл» — ни на обложке, ни на страницах — не будет. И Джон планировал в самом скором времени это прояснить. В то же время хотелось оттянуть развязку на далекое *потом*. Пусть Лин еще чуть-чуть пораздувается от гордости. Порадуется. Ну а после этого ужина можно сбросить камень с души. Ей придется все принять так, как оно есть.

Ты с ума сошел? Хочешь все ей испортить окончательно?

— Знаешь, что я думаю? — спросила Лин. — А вот что: когда историю растиражируют, все сразу ринутся скупать твои рисунки. Возможно, даже будут предложения от художественных галерей. Ну разве не прекрасно? Только представь — заходишь в один из этих залов в Беверли-Хиллз, или в Сан-Франциско, да что там — вдруг даже в Нью-Йорке! — а там...

— Мои работы и без этого всего хорошо продаются, — сказал Джон.

— Ох, ну ладно тебе!..

— И, если кто-то собирается купить мою картину, было бы здорово, если бы он делал это потому, что она ему понравилась. Тронула. А не

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

потому, что ее нарисовал, ну, знаешь, тот самый парень, который спас Велму от какого-то придурка с пистолетом...

— Веронику.

— Да не важно. Знай я, что все обернется именно так — не стал бы ее спасать.

— Не вздумай так говорить даже в шутку, Джон. Ты совершил прекрасный, геройский поступок, и за это заслуживаешь известность. Боже, у этой женщины *платиновые* диски, она — *легенда*, и ты спас ее жизнь, — Лин помолчала немного. — До сих пор поверить не могу, что ты не рассказал мне сразу!

— Да ты бы столько шуму подняла!

— Ты проводишь один-единственный день в Сан-Франциско без меня — и спасаешь жизнь звезды. И потом — даже не рассказываешь об этом собственной жене! До меня, в итоге, это доносит кто-то посторонний!

— Я не думал, что кто-то еще узнает.

Больше недели по возвращении домой Джон думал, что вышел сухим из воды. Потом — какой-то чертов папарацци преследовал его до самой машины. И не отставал ведь, зараза чокнутая, пока Джон не вывихнул ему руку и не убежал в толпу. Фото лица Джона гаду не досталось, но на снимке машины прекрасно получились номера, и либо этот самый фотограф, либо какой-то случайный доброхот, либо кто-то из

сотрудников журнала вычислил его через департамент автотранспорта.

Потом — тот звонок. От редактора журнала, выславшего к нему журналиста и фотографа — для встречи и подготовки статьи. Эксклюзивной статьи. *Случайный прохожий вступает в схватку с вооруженным преступником и спасает жизнь суперзвезды!* А когда Джон ответил: «Спасибо, конечно, но — не стоит», настойчивость этой братии лишь возросла. Но он-то стоял на своем — и не отступал ни на шаг.

Но однажды звонок редактора пришелся на то время, когда он заперся на полчаса в душе. Подняла трубку Лин.

И вот он едет на ужин в «Эджвуд», и там его ждут журналист и фотограф. Ребята, проделавшие долгий путь в пустоту.

— ...И я просто *поверить не могу*, что ты отказал им после первого предложения, — продолжала Лин. Вздохнула. — Хотя, *конечно же*, я верю. Слава богу, он перезвонил и попал на меня.

— Как думаешь, почему, тот сумасброд пытался застрелить Веронику? — спросил мягко Джон, зная, что Лин замкнется в себе, если он повысит на нее голос. — Думаешь, он стал бы в нее целиться, если бы она была никем и ничем? Вот тебе вся прелесть анонимности. Джон Леннон, возможно, был бы и поныне жив, будь он простым починяльщиком телевизоров.

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

— Теперь ты уже просто *чудишь*. Никто не собирается стрелять в тебя только потому, что ты засветился разок на страницах «Пипл».

— Никогда нельзя сказать наверняка. Какой-нибудь другой придурок может прочитать эту статью и взбелениться от того, что я помещал тому, первому придурку. — Не то чтобы он волновался именно об этом, но всю прошедшую неделю кое-какие действительно тревожные мысли не покидали его. — И вот еще что. Они хотят разместить фото *всех* нас. И что, если твои фотографии попадут в потные ручки какому-нибудь извращенцу, и он захочет нанести тебе визит?

— О, ради бога!

— По-твоему, такого случиться не может?

— Не знаю, честно, но...

— Я вот что тебе скажу: никакими правдами и неправдами они не выклянчат у меня разрешение на публикацию фотографий *Кары*. — Или твоих, — подумал он. — Или моих. Никакого права они не имеют. Да даже если они наши имена напечатают, я прижму их за вторжение в личную жизнь.

— Ты — параноик, — заключила Лин со вздохом. — Безнадежный параноик.

— Просто не хочу привлекать к нашей семье лишнее внимание, — проворчал он, стараясь, чтобы голос все же звучал не резко и не гром-

ко. — Вот почему, отделав того идиота, я сразу же убежал.

— Вот почему я не могу надеть меховую горжетку на сегодняшний выход, вот почему нам незачем покупать «Порше», вот почему ты даже не пытаешься продавать великолепные картины, которые рисуешь, вот почему мы должны до конца дней прожить на наследство твоего отца.

Хоть эти слова и задели его, Джон пробормотал:

— Ну да, так и есть. — К чему споры? Она ведь права, и он сам это понимал.

— То есть какие-то хулиганы сорвали с тебя парадный пиджак, когда тебе было пятнадцать, и за *это вот* мы расплачиваемся по сей день.

— Меня тогда чуть не убили. Им сильно уперся тот чертов пиджак!

— Я понимаю, Джон. — Спесь исчезла из голоса жены, теперь она говорила с ним куда участливее. — Но это ведь не повод никогда больше не носить пиджаки.

— А может, если взглянуть по уму — вполне себе повод.

— Нельзя просто вырыть нору в земле и спрятаться там навек.

— Да какая же у нас нора в земле, Лин? И ни от кого мы не прячемся. Есть разница между тем, о чем ты говоришь, и простой скромной жизнью.

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

— Если бы я тебя не одергивала, мы бы ушли жить отшельниками в лес.

— Вот еще.

— Ты, будь у тебя возможность, в невидимку бы превратился — лишь бы никто на тебя внимание не обращал.

Он подавил смешок.

— Слушай, а ведь неплохая идея.

— Вот тот образ жизни, который ты всю жизнь ищешь. Об этом ты мечтаешь. Человек-невидимка. Абсолютная анонимность.

— Бога ради, да зачем мне вообще о чем-то таком мечтать, Лин?

Но он мечтал. И довольно часто. Но — уж это точно — жене об этом не говорил. То было сокровенное. Таким делиться сложно даже с самыми близкими людьми.

Но, попадись ему джинн в бутылке, исполняющий желания, в первую очередь он попросил бы именно *это*. И больше бы ему ничего не потребовалось.

Конечно же, незачем быть невидимым все время. Становиться невидимкой на время по собственному желанию — вот что было бы здорово. Не пришлось бы больше волноваться о придурках мира сего, могущих избрать его своей очередной жертвой. Нельзя обидеть, ограбить или убить невидимку. Эту часть его желания диктовала трусость, и он это прекрасно

понимал. Другая же часть, не имевшая с трусостью ничего общего, была, однако, не менее постыдной.

В отрочестве самой волнующей и самой любимой его фантазией была та, в которой он, незримый для глаз, пробирается в душевые комнаты девочек после физкультуры. И от этой фантазии он не отказался... разве что со временем девочек сменили молодые женщины — нагие, с блестящей влажной кожей.

Будучи невидимкой, он мог бы провернуть много всего: подслушать что угодно, украсть все, что душа пожелает, отомстить каким-нибудь неприятелям, даже совершить убийство. Не то чтобы ему хотелось чего-то такого — отнюдь, даже намерения никогда не возникало. Дальше подглядываний за женщинами в душе его фантазии едва ли простирались.

Но и этого хватало, чтобы он держал язык за зубами, скрывая свои тайные желания от всех — и от Лин в первую очередь. Она ведь, узнав о таком, сочтет его за потенциального чокнутого, извращенца. Как минимум — расстроится, решив, что растеряла в его глазах привлекательность. Достаточно уже и того, что ей совершенно очевиден его врожденный параноидальный «синдром страуса»: чуть что — голову в песок.

От «Эджвуда» их отделял уже только один квартал. Джон поддал газу на перекрестке и

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

втиснул машину в свободное место у бровки тротуара.

— Зачем мы встали здесь? У них ведь есть парковка, — в голосе Лин звучала мольба.

— Пройтись немножко пешком не смертельно.

— О, Джон!..

— Сэкономим пару долларов заодно.

— Не в этом причина, признайся! Бога ради, кому в голову взбредет угонять эту старушку?

— У них же работают парковочные служащие, верно? Отгоняют машины. А ты знаешь, как я не люблю, когда кто-то посторонний садится за мой руль.

— Ну разумеется.

Она открыла дверцу со своей стороны и выбралась наружу.

Джон тоже ступил на тротуар и захлопнул за собой дверцу, не забыв поставить ее на блок. Лин взяла его под руку, посмотрела ему в глаза и вздохнула.

— Я не против пройтись, милый. Все нормально.

— Я знаю.

— Просто... ты иногда *слишком* предусмотрителен.

Он выдавил улыбку.

— Могла бы и привыкнуть.

— Все никак не получается. Наоборот, каждый раз — все больше диву даюсь.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

— Уж извини...

— Ты проявил такую смелость, такую решительность — и при этом не хочешь, чтобы хоть кто-то об этом узнал.

— Ну, в конце-то концов, мы здесь? Здесь.

— Угу. По принуждению.

Может быть, нет в этой статье ничего плохого, — думал он, идя с Лин в ореоле вечерней прохлады. Наручные часы показывали без малого семь. До ресторана оставалось пройти пару шагов. Для Лин это будет таким праздником, если я все же соглашусь. В конце концов, они все равно сделают какую-то статью — с моим ли сотрудничеством, без него... Это же «Пипл». Журнал с весом. Никакие угрозы судебными исками их никогда не останавливали.

Но каковы будут последствия?

Он понимал, что, вполне возможно, последствий не будет ровным счетом никаких. Но натура покусывала душу изнутри. Натура пыталась взять верх.

Под портиком ресторана стоял молодой человек, одетый в красную ливрею — видимо, главный по стоянке. Взгляд, которым он удостоил Джона, ясно давал понять, что все приличные посетители «Эджвуда» паркуются не где попало на улице, а в надлежащих местах... и за рамки приличий Джон заодно с Лин только что выпал.

Мистер Фоксворт покраснел.

БУДЕТ НЕЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

И даже здесь тебя нет-нет да осудят.

Он потянул на себя тяжелую створку двойных дверей и придержал, пропуская Лин вперед. В фойе «Эджвуда» царила почти такая же темень, что и на улице.

Лин остановилась и расстегнула пальто. Джон принял его. Помедлив, она стряхнула с плечей шаль и, скомкав, запихала ее в рукав.

— Не нужна она мне, — сообщила она ему и широко улыбнулась. — Тут и так тепло.

Взгляды посетителей — по крайней мере, мужской части — сразу сошлись на ней. Наверняка и тут присутствовала пара-тройка тайных фантазеров-невидимок. Которые были бы не прочь поглядеть, как Лин выглядит без этого платья.

— Может, оденешь все же? Это платье, оно... мало оставляет воображению.

— О, дорогой, да не будь ты такой занозой в за...

Сильный удар грома заглушил ее голос.

ПРОРЫВ

1

Тоби Барнс, застреленный на поле патрульным Хансоном, был первым, кто умер в ту ночь, когда пошел *черный дождь*.

Первым, но далеко не последним.

Дождь застал Этель Бэнкс, когда она шагала прочь от задних дверей грузовичка с двумя мешками покупок, прижатыми к груди. Она едва не уронила их, когда грянул гром. Впрочем, вскоре они все равно оказались на земле — в тот момент, когда горячие струи дождя обрушились на нее.

— О нет, — пробормотала Этель.

Она нагнулась к упавшему содержимому сумок, думая, как бы это все побыстрее собрать да поудобнее уложить, и заметила, что даже для позднего вечера кругом стало как-то чересчур темно. Наверное, перегорела лампа фонаря у подъездной дорожки. Но вся ее рассыпавшаяся

бакалея почему-то *тоже* чернела — прямо у нее на глазах.

И еще от нее стал подниматься пар.

— Интересные дела, — пробормотала Этель.

Куда более интересным было чувство, вдруг накрывшее ее. В иных обстоятельствах она уже бежала бы к дому — прочь от столь неистового прорыва стихии. Но Этель поняла, что почему-то сейчас *рада* столь внезапному ливню, столь рада, что сдвинуться с места не может. Она так и застыла в полупоклоне, позволяя дождю стекать по волосам, лицу и шее, пропитывать влагой одежду и добираться до самой кожи.

Дождь дарил ей *странные* ощущения.

Яркие, необычные, пробуждающие некое беспокойное стремление, с которым она не могла даже толком определиться. Была некая *зудящая* потребность, но *какая*?

— Этель? — Дождь шумел, хлеща по асфальту, машине, по упаковкам ее продуктов, высыпавшихся на подъездную дорожку, но голос перебил его, будучи громче. — Это ты? Что тут творится?

Сквозь пар и брызги черного дождя она, прищурившись, увидела неясную фигуру в дверном проеме.

— Это я, Чарли, — отозвалась она.

— Не стой там! Забегай, пока насквозь не промокла!

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

— Иду! — ответила она и выпрямилась. — Иду, — повторила она, приближаясь к открытой двери. — Иду к тебе, Чарли, — пробормотала она — и побежала, запрокинув голову и улыбаясь дождю.

Она не увидела ступеньку. Споткнувшись, Этель растянулась животом поперек порога.

— Мой бог! — ахнул Чарли. — Ты же вся... Бог мой, Этель, да ты же вся черная, как туз пик! Где тебя угораздило?..

Этель рывком подобралась, пригнулась — и распрямившейся пружиной бросилась на него.

Он только и успел выкрикнуть «Эй!», когда ее голова врезалась ему между ног. Потом воздух ушел из легких. Этель обвила руками его бедра и рванула на себя, опрокинув на мраморный пол фойе. Зарывшись лицом в передок его брюк и набив себе хорошенько рот и тканью, и тем, что за ней было, она отчаянно заработала зубами.

Чарли весь выгнулся и отчаянно завопил.

Этель вскарабкалась вверх по его дергающемуся телу. Сев Чарли на грудь, она схватила его за уши. Пользуясь ими, как ручками, она впечатала его голову в пол. Еще раз. И еще. Поначалу звук был — как от падения кокоса. Но с каждым новым ударом он смягчался, а потом и вовсе стал влажным и хлюпающим, будто Чарли под затылок подложили тряпку, не удосужившись

толком выжать. Такую набухшую, основательно вымоченную тряпку.

2

Уиллис Ярдли подписал чеки с оплаты по кредитке, оторвал верхнюю копию и аккуратно заправил в приемник под окошком. Вернув карту в бумажник, он взял купюру в один доллар и купил «Твикс» своему сынишке, Джиму. Мальчуган любил сам пройтись до заправочной станции и выбрать что-то себе под настроение, но так уж вышло, что совсем недавно он подхватил насморк, и Мэгги теперь держала его дома, отпаивая чаем.

Ожидая сдачу, Уиллис сложил свою копию чека и на пару с «Твиксом» определил во внутренний карман пиджака — который, в свою очередь, покинули пачка сигарет и спичечный коробок.

По дороге домой покуришь, — подсказал ему здравый смысл. — Тут-то, на заправке, лучше огоньком не баловаться, ведь правда?

Забрав сдачу, он ссыпал ее в карман брюк и вышел за дверь. Вытряхнув одну сигарету из пачки, он зажал ее в зубах. Провел языком по пряным табачным листикам — и тут заметил женщину у первой бензоколонки. Ее руки были затянuty в прозрачные пластиковые перчатки,

спасавшие маникюр от грязной работы, и, судя по ее хмурому виду, заправка бака не входила в число ее любимых обязанностей по уходу за машиной.

Может, пойти предложить помощь, — подумал Уиллис. — Или не стоит? Подумает еще, что я ее склеить пытаюсь.

Выглядела она неплохо. Особенно — со спины, наклонившись к колонке. Ее выцветшие джинсы обтянули ягодицы. Голубая футболка — не заправленная и оголявшая потому поясницу, что, наверное, было не очень-то осмотрительно в довольно прохладную ночь, — тоже плотно прилегала к телу, очерчивая контур лифчика и холмики позвонков.

Мерзнет, наверное, потому и хмурится, — решил про себя Уиллис. — Все-таки стоит подойти и помочь.

Вытащив незажженную сигарету изо рта, он сунул ее в карман — прекрасно понимая, что там она, скорее всего, наберется пыли, — и направился к женщине. И тут ночь потряс громовой раскат невиданной силы.

Женщина вздрогнула.

Хлынул дождь, мигом заретушировав яркие огни заправочной станции «Мобил» и обдав Уиллиса черным, волнующим теплом. Фигура незнакомки стала как-то странно двоиться в глазах, и Уиллис ускорил шаг.

Бензоколонка была помещена под навес, потому женщина не промокла — и не сразу поняла, сколь странного цвета выпали осадки. Потому появление Уиллиса из черной пелены явно застало ее врасплох.

— О господи! — выдохнула она.

— Позвольте мне помочь вам! — выкрикнул Уиллис, протягивая руку к шлангу с насадкой.

— Вы... вы в чем-то вымазались! Это... это что, *дождь* тако...

Одной рукой он отобрал у нее шланг, другой — сгреб за перед футболки, встряхнул хорошенько и толкнул спиной на колонку.

Она открыла рот.

Вот сейчас шуму-то будет.

Запахнув насадку прямо в ее нежно-розовую пасть, Уиллис нажал на рычажок. Бензин полился ей в глотку. Выплеснулся наружу, забрызгал щеки и подбородок. Она закатила глаза, захрипела, задрожала. Руки взметнулись ко рту, но промахнулись мимо шланга. Скрюченные пальцы беспомощно заскребли по горлу.

Вырвав наконечник из ее рта, Уиллис щедро окатил бензином ее лицо и футболку. Потом, замахнувшись, вонзил ей насадку под дых. Незнакомку согнуло, бензин из ее рта выплеснулся на землю.

Отступив, он позволил женщине плавно соскользнуть вниз. Ее коленки ударились о бетон.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

Она начала падать вперед — и приземлилась на руки.

Поводив наконечником вперед-назад, Уиллис немного полил ей на спину.

Затем, отбросив шланг, он принялся судорожно ощупывать карманы. Наземь полетели копия чека, «Твикс», сигаретная пачка. Желаемое было найдено — и вот Уиллис уже пытался дрожащими пальцами совладать со спичечным коробком. Хорошая половина спичек сразу же просыпалась, но, чтобы зачать большой пожар, сгодится и единственная маленькая спичечка.

После первой же искры его руки запылали; он вымочил в бензине и себя, пока расправлялся с этой прощандовкой. Спичка мгновенно превратилась в угольки в его пылающих пальцах, с которых облезала, сдаваясь напору пламени, кожа. Ну да не беда. Он доведет дело до конца. Он *знает*, как дела до конца доводить.

Уиллис склонился и схватил женщину за волосы.

3

Чет Бакстер стоял в очереди за своей подружкой, Кристи Лорд. Очередь была за билетами на семичасовой показ фильма «Когда погаснет свет». Громыкнуло — и Чет, и Кристи вздрогнули.

Засмеявшись, Чет прижал ее к себе. Она улыбнулась ему.

Освещение померкло. Как только горячие капли забарабанили по его макушке и плечам, Чет обернулся к Кристи — и увидел, как на ее лице растут черные пятна, сливаясь в одно, большое; и вот уже черным-черно все, кроме белков глаз и зубов.

Чет схватил ее за мокрые волосы. Прежде чем он успел откинуть ее голову назад и обнажить горло, ее ногти пропахали ему щеку. Вскрикнув, Чет ухватился за запястье Кристи.

Кто-то толкнул их. Повиснув на Кристи, Чет повалился на тротуар. Она упала сверху, рыча и пытаясь найти путь к его горлу, в которое буквально зубы чесались впиться.

И тут она замерла.

Чет сжал ее горло обеими руками.

— Нет, — прохрипела она. — Погоди. Давай — их.

Он жаждал выжать из нее жизнь... но слова Кристи заставили Чета поколебаться. Он ослабил на мгновение хватку, и она, вывернувшись, стала отползать от него.

— Их, — повторила она, стоя на коленях, — и простерла руку в черных потеках, указывая и направляя. — Давай — их!

Чет сел, не обращая внимания на встревоженные голоса и крики тех, кто был позади него; тех, на кого обращала внимание Кристи. Вместо этого он уставился на компанию в во-

семь-десять человек, отчаянно бьющихся между собой. Кто-то уже упал на тротуар, выясняя отношения посредством зубов и ногтей; другие были все еще на ногах. Чет заметил мужика, который бил подростка лицом о гидрант. Увидел женщину, прижатую локтем какого-то здорового детины к стене магазина — тот увлеченно тыкал ее перочинным ножом в живот.

— *МОЧИ СУХИХ!!!* — закричала Кристи.

По разумению Чета, прозвучало отлично. Именно это и нужно было сделать сейчас. Замотать тех, кто еще каким-то образом не попал под дождь.

Судя по всему, идея пришлась по вкусу и всем остальным. Они прекратили бороться, отпустили друг друга. Кто-то так и остался лежать на тротуаре. И больше не поднялся. Тела там и бросили. Пошатываясь, уцелевшие, чьи силуэты были смазаны дождевой пеленой, подошли поближе.

Возглавляемые Четом и Кристи, они бросились под навес кинотеатра. Сухие прянули в стороны. Иные покидали укрытие и сами попадали под дождь, но большая часть решила спастись внутри кинотеатра, голосящим потоком хлынув через стеклянную дверь и оттерев парнишку, чьей работой было проверять билеты на входе.

Один мужчина задержался у кассы, криками подгоняя девушку-билетера. Когда он потянул-

ся за своим билетом, Кристи прыгнула на него сзади и ударила головой о стекло. Стекло не разбилось. Не сразу, по крайней мере. Но Кристи, Чет и беременная женщина из толпы поочередно били головой мужчины, как тараном, о преграду — пока та осколками не осыпалась вниз.

Мужчина с разбитой головой был отброшен. Беременная женщина рухнула на него сверху.

Девушка в кассе отшатнулась от них — с глазами навывкате и отвисшей челюстью. Похоже, она собиралась открыть дверь за собой и нырнуть в вестибюль кинотеатра, не осознавая, что почерневшие дети дождя ломились к ней уже и *изнутри* — так как успели прорваться и внутрь.

Кристи наклонилась, схватила ее за плечи и потащила на себя. Чет пришел на помощь. Вместе они вытянули визжащую и барахтающуюся жертву на прилавок. Острые стеклянные зазубрины прорезали рукава ее рубашки, превратив их в окровавленные лохмотья. Кристи, отрывая пуговицы одну за одной, принялась стаскивать с нее одежду, пока Чет держал голову.

Показалась бледная, в мурашках, кожа. С каждым судорожным движением грудь девушки подскакивала. Сползая, черный бюстгальтер с кружевами оголил крупные розовеющие полукружья сосков.

Кристи вспорола ей живот осколком стекла.

Ричард Лаймон. ОДНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

